

На следующий день Чжоу Цзиньшэн снова не пришел.

Глядя на пустующее сзади место, Шэнь Юй потер переносицу. Спокойно проведя день, он вдруг получил сообщение с незнакомого номера. Текст был кратким, информация — четкой:

Сегоднядесятьвечера.ЧжоуЦзиньшэнвелелтебеприйти.Сегоднядесятьвечера.ЧжоуЦзиньшэн велелтебеприйти.

Далее следовал адрес.

Шэнь Юй нахмурился. Это сообщение явно было не от Чжоу Цзиньшэна, но, скорее всего, имело к нему отношение. Вспомнив разговор с Чэнь Мяомяо полмесяца назад, Шэнь Юй предположил два варианта развития событий.

Первый, наиболее вероятный: это дружки-бездельники Чжоу Цзиньшэна.

История о том, как Шэнь Юй разозлил Чжоу Цзиньшэна, разлетелась по «Цзинъяну». Но из-за нестабильной ситуации в верхах Чжоу Цзиньшэн, связанный правилами резиденции Чжоу, не мог действовать сам. Зато они могли бы наедине проучить Шэнь Юя. И развлекутся, и заодно выслужатся перед молодым господином Чжоу — чем не два зайца одним выстрелом?

Второй вариант, менее вероятный.

Скоро совершеннолетие Чжоу Цзиньшэна, начнется передача власти в корпорации Чжоу. Это неизбежно затронет интересы других, и они наверняка попытаются объединиться.

Если это они, то, скорее всего, хотят втянуть Шэнь Юя в свои ряды в качестве пушечного мяса.

Но в любом случае, пойдет Шэнь Юй или нет, для них это не имело значения. В конце концов, на данный момент Шэнь Юй для них — мелкая сошка, не стоящая внимания.

007 забеспокоился: [Хозяин, будьте осторожны.]

За время их общения 007 уже изучил характер своего хозяина.

Когда система только привязалась к Шэнь Юю, он помнил лишь бледное тело на больничной койке. Красивое, но такое хрупкое, что казалось, его в любой момент смоем безжалостный поток судьбы. Ничтожное, как пылинка.

Поэтому 007 подсознательно считал Шэнь Юя замкнутым, ранимым и слабым. Он постоянно переживал, хватит ли у него сил пройти этот путь, и ежеминутно следил за его

психологическим состоянием.

Но после того, как 007 стал свидетелем целой серии поступков Шэнь Юя, он понял, что его опасения были напрасны. Все заготовленные слова поддержки сменились тревогой за то, как его хозяин, не оглядываясь, идет напролом.

Шэнь Юй усмехнулся: [Не волнуйся.]

В десять вечера Шэнь Юй, следуя присланному адресу, на такси добрался до частного клуба «Ланьхайвань» в центре города.

Расплатившись с водителем, он увидел бесконечную игру света и цвета: красный, белый, желтый, синий, разноцветный — неон, словно падающие звезды, пронзал и переливался в ночи.

У ворот «Ланьхайвань» вереницей выстроились роскошные спорткары. Мужчины и женщины в модных, роскошных нарядах, собираясь по двое-трое, прогуливались. Их четкие и в то же время расплывчатые лица то появлялись в свете неоновых огней, то, колышась, исчезали в игре теней. В переплетении ароматов духов и шелеста одежд витал тонкий, неуловимый запах роскоши.

Достаточно одного взгляда, чтобы увидеть блеск и нищету шанцзинской «золотой молодежи».

«Ланьхайвань» был клубом с системой членских карт. Без карты вход воспрещен. У Шэнь Юя, естественно, карты не было, и он специально не переделся из школьной формы.

Швейцар у входа, зоркий и опытный, заметив на форме Шэнь Юя эмблему «Байфань», тут же с радушием подошел и осведомился:

— Здравствуйте, уважаемый гость. Чем могу помочь?

Глядя на швейцара, Шэнь Юй объяснил ситуацию.

В глазах юноши таилась улыбка, когда он смотрел на человека, взгляд его был искренним и открытым, невольно вызывая желание заговорить.

Он явно редко бывал в подобных местах, но в разговоре не выказывал ни малейшей неловкости. В его облике неизменно сквозила мягкая сдержанность, будто вся эта мишура, к которой другие так стремились, была для него совершенно не важна.

Швейцар на мгновение опешил, но быстро опустил глаза, скрывая эмоции, и с улыбкой ответил:

— Одну минуту, я сейчас узнаю для вас.

Шэнь Юй кивнул.

Швейцар, отвернувшись, позвонил, чтобы уточнить, затем убрал телефон, слегка поклонился Шэнь Юю и, указав рукой на вход, с подобающей учтивостью и уважением произнес:

— Молодой господин², идите прямо до конца, затем налево, четвертый кабинет. Желаю приятно провести время.

В клубе «Ланьхайвань» царил полумрак, лилась приглушенная музыка. Едва Шэнь Юй вошел, как привлек внимание многих. Не успел он сделать и трех шагов, как к нему уже подошли с целью познакомиться.

Шэнь Юй неизменно сохранял улыбку, даже отказывая мягко, что лишь подогревало интерес окружающих. На мгновение к нему потянулись с бокалами.

Система: [Что делать, они, похоже, поняли, что хозяин — мягкая мишень?]

Шэнь Юй: [...]

Через несколько минут Шэнь Юй, словно проворный кот, проскользнул сквозь пеструю толпу и добрался до конца коридора.

В конце коридора было гораздо тише. По стенам, словно океанские волны, беззвучно струились спокойные переливы света, создавая ощущение фантастики. Шэнь Юй поспешно подошел к указанной двери.

Едва он оказался у входа в кабинет, как позолоченная дверь распахнулась изнутри, и Шэнь Юй столкнулся лицом к лицу с кем-то.

В воздухе пахло алкоголем. Человек напротив явно выпил: шатаясь, после столкновения с Шэнь Юем он растянулся на полу, приземлившись на копчик и мгновенно скривившись от боли.

— Твою мать, какой придурок...

Шэнь Юй опустил глаза. Юноша, ругавшийся на полу, был явно очень юн, лет тринадцати-четырнадцати. Волосы его, выкрашенные в вызывающий, дерзкий рыжий цвет, на кончиках отливали ореолом света в бликах ламп. Черты лица у мальчика были изысканными, а в левой брови красовался пирсинг с рубиновым камешком, что придавало его взгляду еще больше задиристости.

Шэнь Юй не ожидал встретить здесь главного героя оригинала³, Юй Тинсы.

Согласно сюжетной линии, через три года Юй Тинсы станет центром внимания прессы из-за инцидента со смертью в результате школьного буллинга. Тогда же род Юй, втянутый во всю эту историю, под влиянием общественного мнения и вскрывшейся коррупции рухнет в одночасье, как карточный домик.

Отец Юя покончит с собой, мать умрет от болезни, старший брат возьмет вину на себя и сядет в тюрьму. После этого Юй Тинсы, в память о старых связях, возьмет на воспитание семья Чжоу.

Кто-то в кабинете, увидев, что Юй Тинсы сбили с ног, тут же подобострастно бросился его поднимать, обругав Шэнь Юя:

— Твою мать, ты, блин, ослеп? Не видишь, тут люди? Ударишь молодого господина Юя — ты хоть представляешь, чем это грозит?!

Юй Тинсы, поднятый приятелем, немного протрезвел.

Несмотря на юный возраст, в его чертах сквозили сплошное высокомерие и самоуверенность. Юноша нахмурился, брезгливо оттолкнул поддерживающую руку и оборвал:

— Заткнись, я в порядке.

Молодой господин Юй слегка вскинул подбородок. Его яркие, красивые черты ничуть не смягчились юношеской незрелостью, в свете ламп он казался, кокетливым как демон-красавец⁴. Глаза-персики⁵ у него были очень похожи на глаза Шэнь Юя — такая же влажная, выразительная форма, но внешние уголки чуть более вытянуты, что придавало взгляду остроту.

Юй Тинсы прищурился, окинул Шэнь Юя взглядом с головы до ног, в глазах мелькнуло восхищение, а затем он нахмурился еще сильнее.

Черт⁶. Его, такого хрупкого на вид, удар сбил с ног? Юй Тинсы мгновенно почувствовал себя ужасно униженным, невольно покраснел и раздраженно бросил:

— «Ланьхайвань» теперь, видно, совсем опустился. Всяких шавок пускают.

Слова Юй Тинсы вызвали смешки и одобрительный гул у окружающих.

Улыбка, не сходявшая с лица Шэнь Юя даже после череды приставаний, вдруг исчезла. Он сжал губы и молча, своими черными, как тушь, глазами посмотрел на Юй Тинсы.

— Хм, — бросив угрозу, Юй Тинсы фыркнул, плечом толкнул плечо Шэнь Юя и широким шагом направился в туалет сбоку.

Шэнь Юй вошел в кабинет.

В кабинете было полно народу. Большинство из этих людей Шэнь Юй видел через восемь лет — яркие девицы и юноши во всем их многообразии, но всех их объединяла одна и та же аура: праздность, рожденная нагромождением роскоши и красивых безделушек.

На почетном месте, развалившись на красно-коричневом диване, сидел Чи Сяньли. В одной руке он покачивал бокал, другой обнимал хорошенькую молодую модель.

Увидев Чи Сяньли, Шэнь Юй сразу подтвердил свою первую догадку — первый вариант...

Пришли поиздеваться над ним.

И вправду пир во время чумы⁷.

За исключением шума, вызванного его появлением у дверей, присутствие Шэнь Юя не произвело никакого эффекта. Все продолжали развлекаться, явно демонстрируя желание поставить его в неловкое положение.

Шэнь Юй окинул взглядом весь кабинет и быстро определил, кто здесь главный.

Он подошел к Чи Сяньли и без обиняков спросил:

— Где Чжоу Цзиньшэн?

Перед глазами упала тень, заслоняя свет.

Чи Сяньли чуть нахмурился и поднял голову.

С лица Шэнь Юя исчезла улыбка, оно совсем похолодело. Густые ресницы, как крышка, бледное спокойное лицо. У него от природы был холодноватый темперамент, а без эмоций в нем проступало еще больше отчуждения и гордости.

При первом взгляде на Шэнь Юя у Чи Сяньли возникла мысль: «Понтовщик».

Строит из себя недотрогу.

Чи Сяньли раньше говорил Чжоу Цзиньшэну, что Шэнь Юй — интересный тип, но это никогда не было похвалой.

Чи Сяньли с детства терся в разных тусовках и как никто другой разбирался в хитросплетениях шанцзинского высшего света. В этом кругу одновременно царят и жизнь, и смерть: каждую минуту кто-то изо всех сил пытается пробиться внутрь, и каждую минуту кого-то безжалостно отбраковывают.

Высший свет Шанцзина сам по себе — огромный чан с краской. Хаос и грязь — его основа. Раз уж ты стоишь на этой почве, откуда тут взяться чистым людям?

Если и есть, то только притворство.

Раз уж попал в этот чан, какой смысл строить из себя недотрогу?

Даже если тебе лицом в грязь ткнули, в следующую секунду надо с улыбкой лезть подлизываться, а не тут корчить из себя обиженного.

Окружающие при словах Шэнь Юя уставились на него.

Шэнь Юй, не обращая внимания на множество взглядов, смотрел только на Чи Сяньли, ожидая ответа.

Сдерживая гнев, Шэнь Юю пришлось терпеливо повторить вопрос:

— Здравствуйте, вы не подскажете, где Чжоу Цзиньшэн? Я получил сообщение...

Чи Сяньли перебил его, повернул голову, приподнял за подбородок модель у себя на коленях и спросил:

— Который час?

Молоденькая девушка игриво отстранилась от его пальцев, взглянула на телефон и, стрельнув глазами, снова, как водяная змея, прильнула к Чи Сяньли, жеманно ответив:

— Молодой господин Чи, уже одиннадцать минут одиннадцатого.

Шэнь Юй наконец понял: они просто водят его за нос. Все эти слова про Чжоу Цзиньшэна — полная чушь. Он не хотел больше тратить время на игры с ними, развернулся и сделал вид, что уходит.

Но, очевидно, всё должно было кончиться не так просто. Едва Шэнь Юй подошел к двери, двое охранников в черных очках у входа молча и синхронно выставили руки, преграждая ему путь.

Шэнь Юю пришлось остановиться. Сзади снова раздался голос Чи Сяньли.

— Одиннадцать минут одиннадцатого, — глядя на спину Шэнь Юя, Чи Сяньли медленно убрал с лица улыбку и, передразнивая, спросил: — Опоздал, а уйти хочешь, даже не извинившись?

В комнате собрались известные шанцзинские «наследные принцы»⁹, привыкшие повелевать ветрами и дождями. Больше всего они любили смотреть на представления, а подогретые алкоголем, и вовсе желали хаоса. Как только Чи Сяньли дал старт, у всех мгновенно разгорелся интерес.

— Ага, это какой же порядок: опоздал — и не извинился?

— Ха-ха, сегодня тут официантов мало, может, временно поработаешь?

Шэнь Юй опустил веки, руки, висевшие вдоль штанин, сжались в кулаки. Невиданное доселе унижение мгновенно охватило его тело.

В тот момент, когда компания громко обсуждала, дверь в кабинет снаружи распахнулась от удара ногой. Юй Тинсы, нахмурившись, с раздраженным лицом ворвался, опережая собственную тень:

— Вам делать нечего? Что вы тут заперлись?!

Двое охранников, только что выглядевших крайне свирепо, тут же почтительно склонились перед Юй Тинсы. Юй Тинсы вошел в кабинет и увидел стоящего у двери Шэнь Юя.

Юй Тинсы подозрительно окинул взглядом помещение. Кто-то тут же пояснил ему ситуацию:

— Да вот, товарищ Шэнь опоздал, а уходить собрался. Какой порядок? Молодой господин Чи и предложил извиниться.

Юй Тинсы, согласно кивнув, посмотрел на Чи Сяньли. Тот с самого начала, как только поднял этот вопрос, больше не высказывался, лишь время от времени прихлебывал вино, будто обсуждаемое его совершенно не касалось.

Юй Тинсы недолюбливал такие манеры: сначала поиграть с человеком. Он хоть и сам кутил вовсю, но всегда придерживался принципа «честности», не выдумывая сложных и пафосных схем. Но другим, похоже, это было очень даже по вкусу.

У Юй Тинсы возникло желание посоревноваться, и он сказал:

— По мне так, мы же не бандиты какие. Способ извинения должен быть по правилам, разве нет?

Как и следовало ожидать, слова Юй Тинсы привлекли внимание всех в кабинете. Кто-то подхватил:

— Каким правилам?

Видя, что внимание приковано к нему, Юй Тинсы выдержал паузу. Обхватив себя руками и прислонившись к дверному косяку, он превратился в третьего «привратника» и лениво произнес:

— Раз уж мы тут собрались выпить, почему бы не решить вопрос через выпивку?

Чи Сяньли, заинтересовавшись, спросил:

— И как же именно?

С хитрой и злобной улыбкой Юй Тинсы приказал стоявшему рядом бармену достать из-за стойки несколько видов импортного алкоголя. Сначала он тщательно выбрал высокоградусную дистиллированную водку, а затем, как попало, налил в нее другие крепкие напитки.

Довольный своим творением, Юй Тинсы кивнул и, собственноручно неся бокал, подошел к Шэнь Юю, протянув ему напиток.

Юй Тинсы взболтал бокал, прозрачная жидкость ударялась о стенки и откатывалась назад. Он улыбнулся, и всё его лицо тоже озарилось светом:

— Осушишь одним махом — и мы в расчете. Как тебе?

<http://bllate.org/book/15910/1427400>